ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ОКТЯБРЬ 2022 г. ● № 10 (308) ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ

Издается редакцией и Союзом писателей России

Николай ИВАНОВ

В Луганске – дождь...

Каждый выбирает для себя!

За окном завыли сирены «пожарок» и «скорых», когда мы вели презентацию поэтических сборников «ПоZыVной – «Победа» в Центральной Луганской библиотеке. Люди привычно потянулись к телефонам за смс-новостями, начали тревожно переглядываться.

Подошедшая сотрудник библиотеки прошептала на ухо:

– На соседней улице взорвали прокуратуру.

– Теракт или обстрел?

– Вроде взрыв внутри здания. Что будем делать?

Собравшиеся напряжённо пытались понять по нашим лицам степень опасности. Бежать в бомбоубежище? Разъезжаться по домам?

– Читаем стихи!

Решение не из лучших, но исключающее панику. И придающее уверенность: да, нас убивают, а мы будем читать стихи!

И вышла, обхватив, как автомат, свою гитару, хрупким солдатиком-первогодком Светлана Каневская:

Ещё одна весна из окна…
Это было трудно, братцы.
Хотя, честно признаться,
у каждого своя война.
И приходилось выползать
на локтях из огня
с поля боя, с самого дна.
Главное – не сдаваться!

А к вечеру в Луганске пошёл дождь. Вызвать такси оказалось невозможно: практически все водители на фронте. Да, на улицах женщин значительно больше, чем мужчин. Обрывки разговоров: убиты прокурор и его заместитель… опять перекопали улицу…

Но второму радуются – Россия первым делом меняет водоводы, и трубы разных диаметров складируются вдоль канав по мере их подвоза. Строители из российских городов, а также военные и многочисленные беженцы заполнили все городские гостиницы, общежития, профилактории, так что проблема переночевать – острейшая. Койко-место в сутки – две с половиной тысячи рублей, и то на одну ночь стараются не сдавать. При этом в городе много пустых квартир, оставленных ещё в 2014 году приверженцами киевской власти. Но законы республики позволяют изымать по суду только нежилые помещения. Пустующий жилой фонд, с тоннами неоплаченных счетов, пока не трогают. В одном из подобных нацистских логовов полулегально и с разрешения соседей, останавливаемся. На столе – Закон о милиции Украины с аккуратными закладками на все случаи жизни: когда сотрудники правоохранительных органов превышают полномочия, как реагировать на требования предъявить документы, и проч. Книги о Бандере, и рядом – детские сказки на русском языке.

Война – мясорубка!

Война – мясорубка?

Одна из авторов сборника «ПоZыVвной – Победа» в 2014-ом активно поддерживала майдан в Киеве. Затем единственная из медийных лиц выступила против запрета русского языка в жизни страны. Подверглась гонениям, вынуждена была бежать из Киева. И не в Лондон или Варшаву, а – в Россию. С началом спецоперации призвала армию (ВСУ) взять власть в свои руки и смести правительство вместе с Зеленским.

От неё отказывается отец, ей самой на Родине грозит 11 лет тюрьмы за госизмену. И тем не менее она, ярая майдановка, собирает гуманитарку на Донбасс и пишет «Молитву» во спасение бойцов СВО:

История тасует дни и даты,
Истории правдивость не нужна.
А я молюсь за русского солдата,
Пока идёт гражданская война…

Переобулась? – А может, с кровью сдирает кожу своего прошлого? Это и есть гражданская война внутри Украины. И Союз писателей России, как никто другой, призван осознавать эту сложность эпохи. И делать всё, чтобы победа была над нацистами, а не над теми, кто ищет себя среди войны.

И ещё деталь из работы над сборниками. Оказалось, что в них нет ни одного стихотворения с призывом «Убей украинца!». В стихах боль, разочарование, поиск истины, недоумение – но нет призыва «на гиляку».

Россия может гордиться своими поэтами.

В Москву возвращаемся под непрерывным ливнем. Невольно вспоминается поездка из Мурманска на базу атомных подводных лодок. Дорога постепенно втягивается в тундру, берёзки становятся все ниже, а грибы всё выше.

– А червивых грибов у вас много? – интересуюсь у сопровождающего.

На меня глянули с искренним то ли сожалением, то ли всё же удивлением:

– А на Севере червивых грибов нет. – И после некоторой паузы: – Людей тоже.

В Москве в первый день мобилизации на пути к метро меня обгоняет коренастый мужик лет тридцати. Замедляет ход, заглядывает за поднятый от дождя ворот куртки. Видно, что обознался, но что-то спросить хочется. И сразу о том, что будоражило, видимо, его душу:

– А вот скажи, ты бы пошёл добровольцем? Туда?

– А я только оттуда.

– И что там?

– В Луганске – дождь. Впрочем, здесь в Москве тоже. Все мы под одним небом. Никто ни от чего не укроется.

В руке у мужика бутылка пива. Делает глоток, но не отстаёт и не обгоняет. Ему явно требуется общение на горящую тему:

– Ты воевал?

– Не раз.

– Тогда скажи, но только правду: в войне ведь ничего хорошего нет?!

– Ничего. Кроме одного – защиты своей Родины.

– Да!

Дальше пути наши расходились. Мужик оставил бутылку около мусорки, и пошёл в противоположную от метро сторону. На пути у него был только наш солнцевский военкомат.

Кроме сборников стихов об СВО мы привозили в Луганск стенды с плакатами времён Великой Отечественной. Более трёхсот уникальных рисунков, ведущих наших отцов и дедов к победе в 45-ом.

Внизу, на стилизованной фотоплёнке, мы пустили портреты нынешних защитников Донбасса. Как легко, оказывается, прослеживается связь поколений! Никаких усилий, условностей в дизайне стендов. Воистину мы одной крови с поколением победителей! А значит, Победе вновь носить наши русские имена.

Не могли не заехать в Краснодон, в музейный комплекс «Молодая гвардия». Глядя на сохранившееся куцее пальтишко Сергея Тюленина, осознаешь, насколько были мальчишками эти краснодонские ребята.

Во времена правления Ющенко сотрудники музея вышли с ходатайством перед президентом Украины о присвоении командиру «Молодой гвардии» Ивану Туркеничу звания «Герой Украины».

В это же самое время на стол Ющенко легли ходатайства от националистов о присвоении этого высшего звания страны Бандере и Шухевичу. Собственно, от подписи президента зависело, по какому пути пойдёт в своё будущее Украина.

Подпись легла под представлениями на пособников фашистов. Путь «ридной нэньки» был определён. И – да, «Молодая гвардия» способна была возникнуть только на Донбассе. Ни в Киеве, ни на Волыни, ни в Одессе – только на Донбассе…

А в первый день референдума о вхождении ЛНР, ДНР, Херсонской и Запорожской областей в состав Российской Федерации президент России Владимир Владимирович Путин тоже поставил свою подпись под представлением на высшую награду страны. Звания «Герой России» удостаивался командир «молодогвардейцев» Иван Туркенич!

Каждый выбирает для себя
Женщину, религию, дорогу…
Дьяволу служить или пророку –
Каждый выбирает для себя!

И это уже не чисто поэзия – а итог, от которого зависит всё.

Луганск, октябрь 2022 г. Николай Иванов со-товарищи у народного Музея «Память Донбасса»

Андрей ФУРСОВ

Прежнего мира больше нет

Куда шагнёт человечество из точки максимального выбора?

Нынешняя ситуация характеризуется тем, что, поскольку мы находимся не просто в точке бифуркации, а в точке полифуркации, – здесь очень сложно предсказывать. Что такое полифуркация? Это когда есть вероятность реализации сразу нескольких вариантов. И в таких ситуациях случайность и необходимость как бы уравниваются.

Скажем, вот сядет бабочка на эту чашу весов, и запустится некий процесс. Есть такая теорема Бромли, которая звучит так: «Если в системе происходит маловероятное событие, то усиливается вероятность того, что это повлечёт за собой следующее маловероятное событие и создаст цепь маловероятных событий». В этом прелесть того момента, и ужас того момента, в котором мы существуем.

Глобалистам и ультраглобалистам предстоит борьба. И, как очень часто бывает, всё заканчивается компромиссом. К примеру: 1848 год, европейские революции, так называемые буржуазные. Чем они закончились? Они закончились компромиссом буржуазии и старой землевладельческой аристократии. Я думаю, что здесь тоже будет достигнут какой-то компромисс.

Вопрос, за чей счёт будет компромисс? Понятно, что одним из козлов отпущения будет средний слой во всём мире. Это совершенно точно. Понятно, что целый ряд стран «вылетит». Но здесь возможны самые неожиданные варианты.

Кстати, генезис капитализма – это классическое проявление закона Бромли. При том что в Западной Европе в XIV-XV веках всё было готово для появления капитализма. Но он мог не появиться. И в значительной части Европы он так и не появился. А появился там, где вообще не должен был появиться, – в Англии. В самой затхлой несчастной периферии. Но биолог бы сказал вам, «это рецессивная мутация, и лишний раз подтверждает правило, что прогресс пробивает себе дорогу по логике рецессивных мутаций».

Как именно реализуется эта логика? Смотрите: где произошёл прорыв капитализма в Западной Европе? В периферийной стране. В каком состоянии была Англия накануне этого рывка? Потерпела поражение в Столетней войне. Ресурсов уже фактически не было. Началась борьба за ресурсы внутри страны. 30 лет война Алой и Белой Розы. 30% аристократии было уничтожено. И чтобы сохранить определённый уровень, определённую долю господствующего слоя, было разрешено богатым крестьянам покупать титулы. В результате возник невиданный в истории слой джентри – открытая землевладельческая элита.

Но всё равно, ресурсов мало. В это время испанцы открывают Америку. Но испанцы так и остались континентальной державой: они тащили всё к себе и оставались континентальной державой. Англичане (ещё не британцы, они станут британцами в 1707 году, когда объединятся с Шотландией) сначала были просто таким паразитарным наростом на этой формирующейся Атлантической системе. И они сделали рывок не от хорошей жизни – от плохой жизни.

Так же как не от хорошей жизни Афины, а затем и Рим, стали рабовладельческими. Это была периферия ближневосточных цивилизаций, которая создала рабовладельческое общество по целому ряду причин. То же самое, кстати, произошло с феодализмом. И это лишний раз говорит о том, что принцип рецессивной мутации в биологии работает и в социальной сфере. И по тем же закономерностям англичане создали впервые морскую торговую цивилизацию. (До этого Карфаген, Финикия, Венеция создали мировой рынок.) Они выпрыгнули на уровень более высокий, чем локальный. А потом с этого уровня начали бомбить испанцев, французов.

Затем англичане объединились с голландцами, и последовала промышленная революция. Как вообще она произошла? Вот представьте себе, ремесленник. Может ли его заменить машина? – Нет. Ремесленник выполняет примерно 50-60 функций. Что произошло в XVI веке в Англии? Людей сгоняли с земли. И сначала они бродили по дорогам и их просто вешали! Потом выяснилось, что для этого нужен репрессивный аппарат. И их решили сгонять в работные дома. И их там чем-то занять надо, а люди ничего не умеют. Поэтому ты, Джек, будешь держать молоток. Ты, Питер, будешь подносить. А ты будешь ему стучать по пальцам. В итоге труд ремесленника был разложен на операции. И вот этот живой расклад машина уже заменить может. То есть, сначала возникла социальная машина. А затем произошла индустриальная революция. И, в силу целого ряда особенностей, произошло это в Англии.

Причём Англии серьёзно помогла одна очень важная вещь. В Англии (удивительно, почему этого исследователи не замечают) так называемая «глубинная власть» возникла одновременно с государством. Более того, государство как «стэйт» было функцией глубинной власти и спецслужб в Англии XVI-XVII века. И вот эта спайка – государство и глубинная власть – так и двигалась дальше. В Англии, например, с 30-х по 50-е годы XIX века она так и называется – «период клубных правительств». Клубы определяли всё. В результате это слабо институализированное государство, не связанное с господствующим слоем напрямую и завязанное на наднациональные структуры, – оказалось идеальным плацдармом для рывка в капитализм. Капитализм не может существовать без наднациональных структур. И сначала это ядро было британское. Потом оно расширилось.

Сейчас капитализм умирает, и у нас появляется шанс исходно подсечь тот строй, который идёт ему на смену, максимально его ослабить, вставить лом в колесо его истории, поскольку в мире этого строя ни России, ни русским, ни людям вообще места не предусмотрено. Его хозяева – наш враг: классовый, геополитический, цивилизационный и социобиологически видовой.

Глыбистая проза Александра Леонидова

Валентина ЕРОФЕЕВА

Метафизика и реальность современной интеллектуальной прозы

Глыбистая проза Александра Леонидова стоит особняком в новой русской литературе – литературе XXI века. Рождённый в начале восьмидесятых годов века ушедшего, Александр Леонидов сполна мог «насладиться» веянием нового времени – «благословенными» девяностыми – ещё в самом нежном подростково-юношеском возрасте.

Не испытав на собственном жизненном опыте радостей и пороков социалистического бытия малой и большой своей родины, он с головой окунулся в эксперименты «обновляемой» по новым лекалам российской действительности. Но… стоп: генетический, как минимум семиколенный, опыт и нахождение рядом драгоценной платформы двух ближайших родовых колен смогли удержать его от слишком рискованных, уходящих в инфернальное *никуда* экспериментов как с жизнью собственной, так и с литературой, за которую Леонидов взялся с ходу и серьёзно, видимо понимая, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих. И литература не стала для него той самой соломинкой, за которую хватаются в панике. Литература стала сначала крепким, не трухлявым стволом нетонущего дерева, затем такой же крепкой ладьёй, на которой уже можно переплывать быстроходные, но не слишком глубокие жизненные реки родной Башкирии, родного Урала, и далее – постепенно расширяя ауру влияния – превращалась в современный, оборудованный и защищённый наступательно-оборонительный корабль (иногда в тумане утра напоминающий военный крейсер последнего выпуска).

Откуда уверенность именно в таких оттенках и этапах литературного пути Александра Леонидова? Да всё очень просто, и это ещё в начале семидесятых озвучил поэт Михаил Дудин, не забыв зафиксировать сии слова как принадлежность размышлений Анны Ахматовой:

– Не скроешься. Поэты голы.
Всем, чем богаты и бедны,
Их мысли, души и глаголы
До основания видны.

Прозаики, дорогие, вы, пожалуйста, не надейтесь, что сия чаша «оголённости» именно вас как-то миновала. Нет, и ещё раз нет! Всё, что истинно, – обнажено. Только тогда истина будет жить, дышать и питать жаждущих её. Все эти «маскерадные тряпки» красивостей и безобразностей, даже только выглядывающие из своих мышиных нор, – не истинны, ложны и уводящи.

И вывод следовал курсивом
Без разделенья запятой:
Поэт обязан быть красивым
Нестыдной правды наготой.

И прозаик – тоже обязан. Иначе он не прозаик, а так – графоманистый беллетрист. И только тогда, там –

Где ничего не скроешь боле
И, словно ветошь, сбросив ложь,
Утраченную, поневоле
Святую правду обретёшь.

Этой правдой и насыщена глыбистая проза Александра Леонидова, начиная с самых первых его попыток освоения художественной действительности. Попробуем отследить путь этой правды на примере его романа «Мускат и ладан» с говорящим подзаголовком «Рыночный эпос».

Итак, главный герой «эпоса» – «картофельный фермер» Егор Сечень, уже явивший себя победителем своего маленького частного сражения с рыночным монстром и выбившийся в городское начальство: «А вы думали – я навсегда канул? А я вот хозяин… Целого «Дома Ржи» хозяин…». В этом «новоиспечённое «городское начальство» без особого энтузиазма убеждало себя перед зеркалом», – печально констатирует Александр Леонидов, разворачивая перед нами картину обратной прокрутки взлётов и падений «картофельного фермера»:

«На торжественное открытие «Дома Ржи» Егорушка Сечень накупил воздушных шариков, установил в центральном зале нового торгового центра негра с шоколадным фонтаном, нанял нескольких девушек легкого поведения – чтобы стояли в национальных костюмах с кокошниками. Он напечатал шикарные пригласительные билеты и наприглашал всю Куву. Он, свихнувшись на новом статусе большого хозяина, действительно и искренне верил, будто у людей других дел нет, кроме как к нему на презентации ходить…».

Но было обидно! Ждал мэра и всяких глав, директоров и председателей, а «явились шоколад хлебать из-под фонтана всякие окурки общества…», которых привлекла ржаная настойка, пропущенная по разряду «лекарственных средств» и потому бывшая «существенно дешевле остального бухла». А ведь планы-то у Егора были наполеоновские, по фермерским его замашкам: банкетную залу собственного «Дома Ржи» превратить в будущий зал презентаций, где планировались лекции для народа о пользе ржи и роли её в истории русского государства. Поэтому столы ломились сейчас сказочными деликатесами, но больше половины мест оказались пустыми за неявкой приглашенных… А тут ещё Соломон Пинхусович Залмон нашёптывает захмелевшему, в тоске, хозяину: «– Калибр у тебя не тот, Егорушка… Много долгов наделал… А продал бы мне «Дом Ржи» – и зажил бы с чистой душой…».

И уж совсем на широкую проспектную дорогу выходит роман, выстраивая бесконечно знакомые ассоциативные ряды вот такого рода авторской откровенностью: отвратительные, подслушанные диалоги плелись от официантов, *«и Егорушка подумал, что натворил что-то недозволительное, окончательно выводящее его из респектабельного ряда. По неопытности перегнул палку, сделал из партийного проекта про «Народ Ржи» какой-то бордель вперемешку с вытрезвителем… Когда? Как получилось? Кто позволил? И почему, почему так? … «Всех выгнать? – металась мысль Егора. – Или, наоборот – пусть все всё делают, что хотят… «Дом Ржи» есть дом свободы…».*

Сколько вопросов безответных ставит Леонидов в этом ассоциативном ряду. Хотя почему безответных? Разными способами и путями подступая к ответам на них, он всю свою прозу (только на нашем сайте около семидесяти разножанровых её публикаций) направляет на их полное раскрытие, полное обнажение-оголение и – решение. *Возможное решение,* скажем осторожнее, памятуя про до сих пор не умирающее, скорее всего, вечно живое от наших классиков: «Кто виноват?» и «Что делать?».

Кто виноват и что же делать? – мучительно перелопачивают возможные варианты ответов почти все его более или менее вменяемые персонажи, все действующие лица бесконечной фантасмагории жизни, которую столь пристально, почти под микроскопом, исследует большой художник слова, коим является Александр Леонидов.

Он не вошёл в обойму награждённых-перенаграждённых «асов расейской литературы» – не будем упоминать их истрепанные славой имена человеков мира: все они сейчас там – далече, куда их выбросило штормовой волной новейшей русской Истории после февраля двадцать второго – *нашего* – года.

Не вошёл, потому что глыбистый – не овальный («Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал»), и даже не «уг**о**льный», которого всё-таки можно было как-то затолкать в некий тусовочный литературный уголочек, нет, не славы, а хотя бы славочки маленькой. Глыбистый, объёмный – не уместится никуда, не впишется: неуютно рядом с ним «асам» литературного либералитета, господствовавшего до сих пор в нашей государственной табели о рангах. Неуютно и вроде бы созвучному противоположному лагерю – поскольку слишком уж объёмный, и в него, в этот лагерь, тоже сложно вписываемый. А объёмный и глыбистый за счёт дотошного расширения диапазона копания в характере как человеческом, так и общегосударственном – мировом, вневременном, эпохальном. Со скальпелем острым копания, с ножом-ножиком, иногда хулиганистым, неожиданным: история-то взлётов и срывов почти в пик**е** у государства нашего, да и у мира окружающего его, – богатейшая. А талант историка, философа – учёного – в приложении к недюжинному таланту мастера слова художественного велик весьма – это наглядно продемонстрировано и в четырёх связанных друг с другом книгах романа Леонидова «Апологет», вышедшего в 2020-21 году в «Роман-газете».

«Писатель обратился с *посланием* к современникам, должно быть, не случайно опубликованном именно в «народном журнале» – «Роман-газете», – отмечает так рано ушедший от нас критик Максим Ершов. – И его роман – это *театр идей*. … Театры идей превратились в закономерность для общества – российского да и шире, – осознающего собственное *впадение в глубокий духовный кризис*».

Анализируя роман, Максим Ершов отмечает его специфику: «Само действо начинается с крупного разговора между известным и славным доныне режиссёром N и доктором Левоном Глыбяном. В середине 1970-х режиссер, который «тоже интересовался правдой жизни – в перерывах между получением престижных премий», в котором «от фильма к фильму всё больше барства, всё больше от латифундиста», пришёл к доктору как последнему живому свидетелю одной кровавой истории времён Гражданской войны. Историки и сценаристы спорят, кто же на самом деле вырезал раненых белогвардейцев в госпитале: сами белые или внезапно налетевший красный отряд? И только лишь пятилетний Левон видел всё собственными глазами». Александр Леонидов дал выразительную сцену. Мальчишку спас отец-доктор, сам погибший в этот день: он вытолкал Левона в маленькое окно, велел бежать и звать на помощь, если увидит белых:

(Окончание – стр.3)